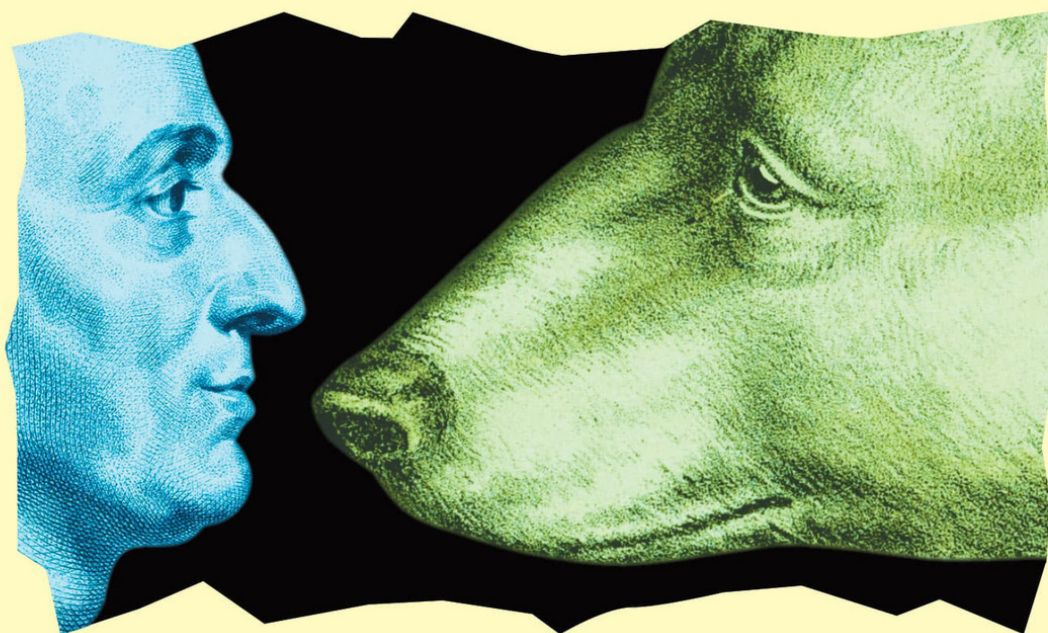

HISTORIA ROSSICA

С Е Р Г Е Й М Е З И Н

Д И Д Р О

≈ ≈ ≈ ≈ ≈ И ≈ ≈ ≈ ≈ ≈

Ц И В И Л И З А Ц И Я

Р О С С И И ≈ ≈ ≈ ≈ ≈

Historia Rossica

Сергей Мезин

Дидро и цивилизация России

«НЛО»

2018

УДК 321(091)(44)"17"
ББК 66.1(4Фра)5-13

Мезин С. А.

Дидро и цивилизация России / С. А. Мезин — «НЛО»,
2018 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-1050-7

Знаток XVIII века, саратовский историк С. А. Мезин всесторонне исследовал связи знаменитого французского философа Дени Дидро с российской культурой. В серии своих «русских» сочинений Дидро с поразительной прозорливостью сумел обозначить многие болевые точки развития России. Мыслитель удивительным образом подметил слабые стороны «реформ сверху», обратил внимание на малую эффективность заимствования готовых форм европейской культуры и на те тупики, в которых может оказаться Россия даже при гениальных реформаторах, если не будут соблюдаться определенные экономические, политические и социальные условия процесса цивилизации. Автор проанализировал взгляды Дидро и его современников на то, почему Россия пребывает в полуварварском состоянии, каковы успехи Петра Первого и Екатерины Великой в деле цивилизации страны и в чем заключается смысл цивилизации вообще.

УДК 321(091)(44)"17"
ББК 66.1(4Фра)5-13

ISBN 978-5-4448-1050-7

© Мезин С. А., 2018
© НЛО, 2018

Содержание

Введение	6
Глава 1	8
Историография	8
Источники	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Мезин

Дидро и цивилизация России

Редакционная коллегия серии HISTORIA ROSSICA

Е. Анисимов, О. Будницкий, А. Зорин, А. Каменский, Б. Колоницкий, А. Миллер, Е. Правилова, Ю. Слёзкин, Р. Уортман

Редактор серии И. Жданова

Материал для книги собран при поддержке Дома наук о человеке (Париж).

Рукопись подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-01-00083.

© С. А. Мезин, 2018

© ООО «Новое литературное обозрение», 2018

* * *

Моим друзьям посвящаю

Введение

Дени Дидро был единственным из корифеев Просвещения, посетившим Россию. Русская тема занимает важное место в его политических сочинениях. Философ высказался о многих животрепещущих вопросах развития России в XVIII веке. Однако в сочинениях Дидро, чуждого шаблонных суждений, почти нет однозначных и прямых оценок российской действительности и деятельности русских реформаторов – Петра I и Екатерины II. Уяснить суть восприятия философом России совсем не просто. Особые отношения, установившиеся у просветителя с Екатериной II, не всегда позволяли ему прямо высказываться на этот счет. Философ выработал специальную тактику общения с императрицей, чтобы исподволь, в виде разрозненных замечаний и вопросов, высказать свое истинное отношение к цивилизации России и ее «цивилизаторам» и тем самым повлиять на направление политики Екатерины. В сочинениях, вышедших без указания имени автора, как отрывки для «Истории обеих Индий» Г.-Т. Рейналя, или в неопубликованных «Замечаниях на Наказ» Дидро мог быть более откровенным. Однако и здесь он не столько оценивал русских монархов, сколько предлагал свой вариант цивилизации страны, подвергая тем самым сомнению прежний опыт реформирования. Отношение к России формировалось у Дидро в 60–70-е годы XVIII века в ходе выработки собственной концепции цивилизации в тесной связи с теоретическими исканиями эпохи Просвещения.

Хотя в некоторых научных и многих популярных работах до сих пор бытует мнение о наивном философе, ловко одураченном или «купленном» русской императрицей, отношение Дидро к России не было ни наивным, ни поверхностным, ни благостным. В серии своих «русских» сочинений Дидро с поразительной прозорливостью сумел обозначить многие болевые точки развития России, словно смотрел на века вперед: слабая и неравномерная концентрация населения на огромной территории, разительный разрыв между столицей и провинцией, неразвитость дорожной сети, почти полное отсутствие экономической и политической самостоятельности населения, патернализм власти, неэффективность прямых заимствований западноевропейских образцов...

Предлагаемое исследование принадлежит к области изучения отраженной реальности, образа «другого», европейского взгляда на Россию. Эти сюжеты активно и успешно изучаются гуманитариями в последние десятилетия. В настоящей работе речь пойдет не только об образах России, Петра I и Екатерины II, которые в явном или скрытом виде присутствуют в сочинениях Дидро, но и о конкретной программе цивилизации России, которую развивал и предлагал французский мыслитель. Автор далек от мысли, что современные политики могут принять к сведению рекомендации философа XVIII века. Однако нельзя не обратить внимания на необыкновенную злободневность идей Дидро о цивилизации (модернизации) России. Мыслитель удивительным образом подметил слабые стороны «реформ сверху», обратил внимание на малую эффективность заимствования готовых форм европейской культуры и на те тупики, в которых может оказаться Россия даже при гениальных реформаторах, если не будут соблюдаться определенные экономические, политические и социальные условия процесса цивилизации.

В связи с тем что понятие «цивилизация», присутствующее в заглавии работы, будет часто использоваться на ее страницах, необходимо сделать предварительные пояснения. Дидро был одним из первых, кто использовал слово «цивилизация» в форме существительного в его новом понимании¹, в то время как в глагольной форме – «цивилизовать» – оно широко применялось и раньше в значении приобщения к культуре, смягчения нравов. С самого начала слово «цивилизация» было многозначно. Оно понималось и как определенный уровень раз-

¹ Прежде слово «цивилизация» использовалось как специальный юридический термин.

вития общества, когда оно способно порождать произведения искусства и литературы, и как поэтапный процесс развития – переход от «варварского» состояния к «цивилизованному», и как некая совокупность мер, направленных на достижение «цивилизованного» состояния. Как замечает современный исследователь, новая трактовка «цивилизации» авторами XVIII века содержала три семантических составляющих: «историческую – характеризующуюся понятиями „прогресс“ и „эволюция“; антропологическую – относящуюся ко всей материальной и духовной деятельности человека; воспитательную – ориентированную на целенаправленное совершенствование индивида, общества и человечества в целом»². Просветители XVIII века верили, что путь цивилизации в самом широком смысле един для всех народов.

В заключение краткого введения хочется поблагодарить всех, кто способствовал моей работе над темой. Особую благодарность приношу Сергею Яковлевичу Карпу и Надежде Юрьевне Плавинской, которые приобщили меня к изучению русистики Дидро и оказали неоценимую помощь в подготовке этой книги. Спасибо Жоржу Дюлаку, Джанлуиджи Годжи, Кристофу Франку, с которыми мне посчастливилось работать в Доме наук о человеке в Париже осенью 2005 года; они щедро делились со мной своими идеями и публикациями. Благодарю за дружеское содействие работников Российской национальной библиотеки Наталию Михайловну Сперанскую, Аллу Августовну Златопольскую, Ольгу Дмитриевну Симбирцеву, а также Сергея Викторовича Королева. Мне всегда помогали в работе сотрудники отдела редких книг Научной библиотеки имени В. А. Артисевич Саратовского государственного университета, за что я им искренне благодарен.

² Лозебрик Х.-Ю. Цивилизация // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. Винченцо Ферроне и Даниэля Роша; пер. с итал. Н. Ю. Плавинской под ред. С. Я. Карпа. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 174.

Глава 1

Дидро и Россия: историография и источники

Историография

Изучение темы «Дидро и Россия» началось в конце XIX века. В XX веке осмысление темы испытывало сильное политическое давление, в первую очередь в Советской России, но не только. Наглядное представление о том, как часто исследователи обращались к рассмотрению русских связей Дени Дидро, дает известная библиография Фредерика Спира, доведенная до 1986 года³. В ней отмечено более полусотни книг и статей, имеющих прямое отношение к интересующей нас теме. Понятно, что большинство из них принадлежит французским и русским авторам. К сожалению, работа Спира была продолжена лишь частично⁴. Между тем Дидро как одна из ключевых фигур в русско-французских культурных связях второй половины XVIII века был героем многих работ последних десятилетий, когда заметно увеличились возможности научных контактов российских и зарубежных историков. 300-летний юбилей знаменитого просветителя вновь оживил внимание исследователей к творческому наследию Дидро, в том числе и к его «русским» страницам.

У истоков большой темы «Дидро и Россия» стояли французский историк и издатель сочинений Дидро Морис Турне (1849–1917) и русский историк Василий Алексеевич Бильбасов (1838–1904). Последний в своей книге «Дидро в Петербурге»⁵, основанной главным образом на переписке императрицы с просветителем и письмах их современников, показывает пример диалога широко мыслящей, либеральной правительницы с выдающимся мыслителем, работы которого признавались «вредными» и находились под запретом в России и в конце XIX века. Сама книга Бильбасова едва избежала цензурного ареста⁶. Некоторые документы из богатого приложения к монографии Бильбасова до сих пор сохранили значение уникальных первоисточников. В предисловии к журнальному варианту своего исследования Бильбасов писал: «Из русских людей XVIII века, современников Дидро, только двое ценили его по достоинству – две женщины: императрица Екатерина II и княгиня Екатерина Романовна Дашкова; все остальные, бывшие в сношениях с Дидро, – Иван Иванович Бецкий, князь Дмитрий Алексеевич Голицын, С. К. [sic!] Нарышкин и др. – имели при этом в виду более Екатерину, чем Дидро. В записках русских современников не осталось никаких следов его учения (курсив мой. – С. М.)»⁷. Сегодня появились основания сомневаться в этом безапелляционном заявлении историка. Но в целом Бильбасов, не имевший в своем распоряжении «Философских и исторических записок» для Екатерины II («*Mélanges philosophiques, historiques, etc.*») и пользовавшийся только перепиской и вопросами Дидро императрице, не только отметил важнейшие точки соприкосновения Екатерины и Дидро до поездки последнего в Россию, но и в общем-то верно очертил круг проблем, о которых беседовали его герои. Он допустил ошибки лишь в деталях, называя сопровождавшего Дидро в его путешествии в Россию Нарышкина Семенов Кирилловичем, говоря о том, что Дидро никак не обозначил своего отношения к Петер-

³ Spear F. A. *Bibliographie de Diderot. Répertoire analytique international*. Genève: Librairie Droz, 1980–1988. Vol. 1–2; см. также приложения к библиографии Ф. Спира: *Diderot studies*. 1983–1998. Vol. 21–27.

⁴ Karp S. *Bibliographie de Diderot en URSS, 1980–1990 // Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie*. 1991. № 10. P. 139–154.

⁵ Бильбасов В. А. *Дидро в Петербурге*. СПб.: Типография И. И. Скороходова, 1884.

⁶ Айзеншток И. Французские писатели в оценках царской цензуры // *Литературное наследство*. Т. 33–34. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1939. С. 784.

⁷ Бильбасов В. А. Екатерина II и Дидро // *Русская старина*. 1884. № 5. С. 223.

бургу, приписывая Дидро сочинение Фридриха Мельхиора Гримма «Опыт об образовании в России» («*Essai sur les études en Russie*») и т. д. Бильбасов оказался родоначальником распространения до сих пор мнения, что Дидро ничего не знал о России. К этому он добавлял, что и сама Екатерина II знала свою страну очень плохо, а потому их беседы могли носить характер общих рассуждений⁸. Казалось бы, последующая публикация «Записок» для Екатерины II должна была скорректировать этот вывод. Однако мысль исследователя о «полном незнании» Дидро России и о том, что в Петербурге он находился в человеческом и информационном вакууме, к сожалению, оказалась очень живучей. В заслугу же Бильбасову следует поставить то, что он, несмотря на недостаток источников, заметил, что обе стороны – и философ, и императрица – придавали диалогу серьезное значение⁹.

Интерес Мориса Турне к этой теме был изначально вызван стремлением разыскать в России материалы, необходимые для предпринятого им и Жюлем Ассеза в 1875–1879 годах издания полного собрания сочинений Дидро. Турне называл путешествие Дидро в Россию «одним из наиболее значительных эпизодов его жизни»¹⁰. В своей книге «Дидро и Екатерина II» (1899) он рассматривал все важнейшие сюжеты взаимоотношений своих героев. Он последовательно описал историю покупки Екатериной библиотеки Дидро и связанные с этим жесты поистине царской щедрости. Он показал стремление философа отплатить своей благодетельнице посильной помощью в различных делах. Речь идет о посредничестве Дидро в приглашении в Россию Этьена Мориса Фальконе и Пьера-Поля Мерсье де ла Ривьера, о стараниях Дидро, направленных на предотвращение публикации книги Клода Карломана Рюльера о дворцовом перевороте 1762 года, посредничестве при покупке картин для Эрмитажа. В отличие от Бильбасова, на первом плане у французского автора выступал именно Дидро с его сочинениями, написанными для русской императрицы. Турне удалось ввести в научный оборот важнейшие источники, подлинники которых хранились в России, – «Записки» для Екатерины II и (частично) «Замечания на Наказ». При этом его, разумеется, более интересовал общеевропейский контекст диалога философа с императрицей, чем российские проблемы. Русские контакты Дидро не привлекали особого внимания французского исследователя, хотя он в отличие от Бильбасова правильно называл имя человека, который сопровождал Дидро от Гааги до Петербурга, – Алексей Васильевич Нарышкин¹¹. Сообщил Турне и некоторые новые детали об отношении петербургского общества к Дидро в 1773–1774 годах. Русский рецензент книги Турне В. Тихомиров, кратко пересказавший ее основное содержание, отметил новизну материала, извлеченного из донесений шведского посланника в Петербурге Ю. Ф. Нолькена, писавшего, что Дидро во время своего пребывания в русской столице «постоянно возбуждал зависть и черные клеветы»¹².

В контексте изучения русско-французских культурных связей деятельность Дидро нередко упоминалась в работах французских русистов Альфреда Рамбо, Леонса Пенго, Эмиля Омана, Луи Рео. Например, один из зачинателей французской русистики Альфред Рамбо еще до Бильбасова и Турне отметил важные сюжеты общения просветителя с русской императрицей¹³. Вместе с тем он развил сомнительную версию о «слишком доверчивом Дидро», который в диалоге с русской правительницей выступал «ребячливым мечтателем». Автор ошибался и в деталях, например, утверждая: «когда Дидро приехал в Россию, она (Екатерина II. – С. М.) ему выслала навстречу камергера Нарышкина».

⁸ Бильбасов В. А. Дидро в Петербурге. С. 99–101.

⁹ Там же. С. 29–31.

¹⁰ *Tourneux M. Diderot et Catherine II. Genève: Slatkine reprints, 1970. P. I.*

¹¹ *Ibid. P. 60.*

¹² Тихомиров В. Дидерот и Екатерина II // Исторический вестник. 1899. Т. 77. С. 235.

¹³ См.: Рамбо А. Императрица Екатерина Вторая в переписке с иностранцами // Русский архив. 1877. № 7. С. 280–283, 288–291; № 8. С. 415–416.

Если вплоть до начала XX века Дидро считался в России опасным вольнодумцем, труды которого публиковались с купюрами, то после 1917 года советских историков и обществоведов в основном интересовали вопросы мировоззрения философа, которого обычно характеризовали как великого материалиста и одного из предшественников марксизма. Американский историк Арнольд Миллер посвятил советской историографии Дидро специальное исследование с характерным названием «Присвоение философа»¹⁴. Автор изучил советские публикации, посвященные Дидро, в том числе и в их историко-культурном аспекте, и пришел к неутешительному выводу: советские ученые активно изучали Дидро, но они сужали, схематизировали, выхолащивали содержание его идей; марксистский подход убил живую душу философа. Нет необходимости оспаривать вывод Миллера об одностороннем, политизированном понимании творческого наследия Дидро в советской историографии, хотя сам автор признает, что в ряду конъюнктурных работ были исключения. Французский рецензент книги Миллера справедливо подметил, что автор нередко демонстрирует довольно грубый подход, представляя выводы советских историков в карикатурном виде, вообще не признавая марксизм сколько-нибудь плодотворным исследовательским методом. При этом он оказывается в неловком положении, когда, например, хвалит работу француза Жака Пруста, не догадываясь, что последний считал себя марксистом¹⁵.

Типичным и отнюдь не худшим образцом советской историографии Дидро является книга Ивана Капитоновича Луппола (1896–1943) «Дени Дидро. Очерк жизни и мировоззрения», впервые опубликованная в 1924 году. В издании 1934 года автор стремился устранить из своего исследования «непомерное приближение» французского мыслителя к диалектическому материализму. В третий раз книга вышла уже через много лет после смерти автора в Мордовских лагерях – в 1960 году. Советский философ и литературовед не обошел вниманием и вопрос об отношениях великого энциклопедиста с российской императрицей. Проявляя незаурядное знание литературы и основных источников, Луппол отмечал личные симпатии и политические расхождения, возникшие в результате общения Дидро с Екатериной. Автор отверг не раз возникавший у недоброжелателей Дидро тезис о преобладании корыстного интереса в отношениях философа с императрицей. Он тонко подметил особенности формы изложения («легкий и игривый каскад остроумных и в то же время серьезных и глубоких мыслей») и преподнесения философом своих мыслей в беседах с Екатериной (ненавязчивая манера, отсутствие унижения перед монархиней)¹⁶. Однако автор разделял общий высокомерно-пренебрежительный взгляд советских историков на Екатерину II (обладавшую «некоторой начитанностью» и «мало понимавшую в искусстве»), которая, по его словам, вовсе не воспринимала, «пропускала мимо ушей» все мысли и предложения философа¹⁷. Тема «Дидро и Россия» рассматривалась Лупполом лишь в плане его отношений с Екатериной II.

О контактах «русского вельможного дворянства» (И. Бецкий, Е. Дашкова, Д. Голицын, Г. Орлов, С. (sic!) Нарышкин) с Дидро упомянул Сергей Александрович Макашин в предисловии к томам «Литературного наследия», посвященным литературным связям России и Франции¹⁸. В его статье также звучала свойственная советской историографии пренебрежительная оценка связей Екатерины II с французскими просветителями. Но при этом утвержда-

¹⁴ См.: Miller A. The Annexation of a Philosophe: Diderot in Soviet Criticism, 1917–1960 // *Diderot studies*. Vol. 15. Genève: Librairie Droz S. A., 1971.

¹⁵ Dulac G. Arnold Miller. The Annexation of a Philosophe (compte rendu) // *Revue d'Histoire Littéraire de la France*. 1973, nov.-déc. № 6. P. 1081–1083.

¹⁶ Луппол И. К. Дени Дидро. Очерки жизни и мировоззрения. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 108–109.

¹⁷ Там же. С. 112–113.

¹⁸ Макашин С. Литературные взаимоотношения России и Франции XVIII–XIX вв. // *Литературное наследство*. Русская культура и Франция. Т. 29–30. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1937. С. XIV.

лось (впрочем, голословно), что Дидро тщательно изучал экономику и быт России, готовясь к поездке в северную столицу и уже находясь в ней¹⁹.

Серьезным вкладом в популяризацию творческого наследия Дидро было издание собрания его сочинений в 10 томах²⁰. Каждый том должен был сопровождаться вступительной статьей и комментариями²¹. Обширное введение к первому тому, содержащее характеристику эпохи, а также очерк жизни и взглядов Дидро, было написано И. К. Лупполом. Здесь наряду с незаурядной эрудицией автора в наибольшей степени проявился вульгарный социологический подход к предмету с его характерным словарем: «идейный вождь французской буржуазии», «классовая дифференциация», «идейная гегемония», «французское самодержавие», «разгул дворянщины» и т. д. Касаясь вопроса об отношениях Дидро с Екатериной II, автор противопоставлял философа «с открытой душой» императрице, надевшей «маску лицемерия, игры и искусной лжи»²².

Может показаться странным, что именно во второй половине 1940-х годов, в период ждановских идеологических кампаний, тема «Дидро и Россия» зазвучала с новой силой. Этому способствовал выход 10-го тома собрания сочинений Дидро, содержащего сочинения, относящиеся к России. Этот том, включающий статью А. И. Молока и комментарии П. И. Люблинского, сданный в набор в начале 1946 года, готовился еще до войны. Вводная статья Александра Ивановича Молока (1898–1977) отличается в целом хорошим научным уровнем, хотя и не лишена отдельных недостатков, частично обусловленных условиями того времени. В работе заметна идейная и даже текстуальная близость к соответствующей главе монографии И. К. Луппола, однако отсутствуют ссылки на книгу репрессированного академика. Анализируя русику Дидро, А. И. Молок отмечал устойчивый интерес философа к русской тематике и широкий круг проблем, затронутых французским философом в беседах с императрицей и в других специальных сочинениях: вопросы внешней политики, введение в России представительного правления, создание «третьего сословия», перенос столицы в Москву, вопросы воспитания, образования и др. Однако Молок не увидел в «русских» текстах философа внутренней связи и концептуального единства. Автор констатировал контакты Дидро с Дашковой, Д. Голицыным, Бецким, его встречи в Петербурге с Фальконе и Мари-Анн Колло, доктором Никола-Габриелем Клером (Леклерком) и Пьером-Шарлем Левеком, Г. Орловым, петербургскими академиками. По традиции, идущей от Бильбасова, Молок называл Нарышкина, у которого остановился Дидро в Петербурге, Семеном Кирилловичем. Он повторил ошибочное утверждение С. А. Макашина о том, что аббат Гийом-Тома Рейналь приезжал в Россию, неточно датировал работу Вольтера над «Историей России». В духе своего времени Молок утверждал, что «вся передовая Европа» приветствовала культурные и военные (!) успехи России в XVIII веке. Едва ли можно принять вывод автора о том, что реформы, необходимые для России, Дидро «рассматривал как продолжение великой преобразовательской деятельности Петра»²³. В статье А. И. Молока присутствуют, хотя и не акцентируются, мысли о том, что общение Екатерины с Дидро было лишь данью моде, а философ питал *иллюзии* в отношении «просвещенного абсолютизма» Екатерины II – эти положения станут почти обязательными в статьях советских историков.

¹⁹ Там же. С. XVI.

²⁰ Дидро Д. Собрание сочинений в десяти томах. М.; Л.: Academia; Гос. изд-во худ. лит., 1935–1947. Т. I–X.

²¹ В ряде томов собрания сочинений Дидро, вышедших в 1935–1937 годах, вступительные статьи изъяты издательством или вырезаны (в экземплярах Научной библиотеки Саратовского университета), а фамилия И. К. Луппола тщательно вымарана.

²² Дидро Д. Собрание сочинений. Т. I. С. 51–57.

²³ Молок А. И. Дидро о России // Дидро Д. Собрание сочинений. Т. X: Rossica. Произведения, относящиеся к России. М., 1947. С. 39.

В вводных очерках и комментариях Павла Исаевича Люблинского (1882–1938) содержалась известная на тот период информация об истории публикуемых текстов. Кроме того, он впервые правильно атрибутировал «Опыт об образовании в России» Ф. М. Гримма, который до тех пор ошибочно приписывался Дидро. Также обращает на себя внимание мысль автора о том, что «советы французского философа не прошли для Екатерины совершенно бесследно»²⁴.

Гораздо более тенденциозными оказались отклики на издание русски Дидро. Если в статье А. И. Молока констатировались (не без оснований) симпатии Дидро к русскому народу, то в рецензии Бориса Песиса идея величия России уже звучала как лейтмотив, а Дидро выступал в качестве критика загнивающего Запада²⁵.

Не лишена интереса рецензия Александра Ивановича Казарина, хотя ее автор и склонен к навешиванию политических ярлыков. В ней Дидро рисовался как *наивный* защитник общечеловеческих идеалов. Он обвинялся в «непростительной для мыслителя такого масштаба наивности» и даже в «недостаточном» (по сравнению с физиократами) знании политической экономики. Казарин заявлял, что Екатерина II сумела обольстить и одурачить философа. Без тени сомнения рецензент утверждал, что в сочинениях Дидро о России «говорится очень мало»: «Великий просветитель *плохо* знал нашу страну, хотя и любил (!) ее». Все эти утверждения выглядели бы легковерно и претенциозно, если бы не тот факт, что советский политэконом едва ли не первым обратил внимание на то, что в сочинениях Дидро присутствует «*программа цивилизации страны*» (курсив мой. – С. М.)²⁶.

Между тем для французской и мировой историографии темы «Дидро и Россия» особое значение приобрела книга Альбера Лортолари²⁷, надолго определившая отношение западных исследователей к взаимоотношениям французских просветителей с Россией. Глубокий скептицизм в отношении любых социальных проектов и экспериментов, обстановка противостояния Востока и Запада, общая атмосфера холодной войны, несомненно, повлияли на подход автора к историческому материалу. В своем исследовании Лортолари подчеркивает огромное различие между «русским миражом», творимым в трудах просветителей (как полагал историк, это делалось не вполне бескорыстно), и реальной Россией – отсталой страной с реакционным и агрессивным правительством. Хотя Лортолари мог лишь предполагать, какие страницы «Философской и политической истории заведений и торговли европейцев в обеих Индиях» Рейналя были написаны Дидро, он верно указал на те критические пассажи о России из издания 1774 года, которые свидетельствуют о скептических взглядах философа накануне путешествия в Петербург. Автор утверждал, что у Дидро «не было больших иллюзий относительно России и русских. От этого его надежно предостерегали частые беседы с теми, кого он называл „прибывшими из России“, книга Шаппа д’Отроша, откровения разочарованного Фальконе, а возможно и Рюльера»²⁸. Однако корреспондент и собеседник императрицы – утверждал Лортолари – легко и охотно предавался иллюзиям, когда это было ему выгодно. Он верил, что Екатерина может исправить положение в России. При этом, считал Лортолари, Дидро и до и после путешествия мало знал Россию: нигде не был, ничего не видел, кроме «искусственного», «космополитического» Петербурга, где он жил малое время, притом плохо себя чувствовал, не знал языка и т. д. Мечтатель, который ничего не видел и не слышал, Дидро спрашивал о России людей, которые были заинтересованы в том, чтобы ему лгать. Много раз подчерк-

²⁴ Дидро Д. Собрание сочинений. Т. X. С. 48, 266–268; см.: Карп С. Я. Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М.: ИВИ РАН, 1998. С. 188–189.

²⁵ Песис Б. Великий французский философ, друг России // Огонек. 1947. № 49. С. 28.

²⁶ Казарин А. И. Дидро как политический мыслитель // Известия Академии наук. Отделение экономики и права. 1948. № 3 (май – июнь). С. 215.

²⁷ Lortholary A. Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle. Paris: Boivin, 1951.

²⁸ Ibid. P. 213.

нутая *наивность* «философа» (последнее слово Лортолари всегда брал в кавычки!) является своеобразным лейтмотивом всей главы, посвященной Дидро. Автор пришел к выводу, что в своих беседах Дидро и Екатерина расходились во всем: «Отныне все их разделяло» («*Tout les séparait désormais*»). «Философ» вскоре понял бесполезность своих наставлений монарху и перестал писать «записки» для Екатерины после 3 (14) декабря, хотя их встречи продолжались²⁹. Итог визита Дидро в Петербург Лортолари подвел в двух словах: «позорный провал» («*échec mortifiant*»).

Как видим, политическую тенденциозность проявляли и западные, и советские авторы, писавшие о Дидро. Однако она почти не обнаруживается в названном выше издании сочинений Дидро о России, подготовленном П. И. Люблинским и А. И. Молоком, а также, например, в статье Марии Владимировны Крутиковой и Александра Митрофановича Черникова, где впервые приводится (в переводе) текст вопросов Дидро, направленных в Академию наук и касающихся природных богатств Сибири. Авторы полагали, что Дидро в полной мере использовал свое пребывание в России «для наиболее полного ознакомления со страной»³⁰. Менее оригинальной представляется статья Черникова о связях Дидро с Академией наук, где говорилось о «радушной» встрече петербургскими академиками «своего ученого французского собрата»³¹.

Статья Крутиковой и Черникова позднее вызвала отклик со стороны Жака Пруста³². Получив копию французского оригинала вопросов Дидро, заданных петербургским академиком, автор не только опубликовал их, но и связал их с планами философа по изданию «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера в России. Пруст основательно предположил, что сведения, полученные с помощью вопросников, Дидро планировал использовать в русском издании «Энциклопедии»³³.

Важное уточнение в историю взаимоотношений Дидро с русской императрицей внесла статья Сергея Кузьмина, обнаружившего в архиве подлинную рукопись «Философских и исторических записок» для Екатерины II («*Mélanges...*») и обратившего внимание на ее различия с изданием М. Турне, которое было использовано и в советском издании сочинений Дидро 1947 года³⁴. Кузьмин первым указал на то, что записки составлялись философом накануне бесед с императрицей, а не после них, как считалось ранее, что, впрочем, не исключает и последующей работы Дидро над рукописью³⁵. Это замечание проясняет степень свободы и откровенности в общении философа с императрицей. Вместе с тем автор развивал традиционную идею о философе, одураченном императрицей, и обвинял Дидро в «политической близорукости» (само выражение характерно для партийных проработок сталинского времени). Почти все авторы советского периода стремились «развести» Дидро и русскую императрицу³⁶ и «привязать» философа к революционной традиции: «Он стал идеологическим вдохновите-

²⁹ Э. Лизе позже обнаружил в архиве и опубликовал «записки», составленные Дидро после указанной даты. См.: *Lizé É. Mémoires inédits de Diderot à Catherine II // Dix-huitième siècle. 1978. № 10. P. 191–222.*

³⁰ Крутикова М. В., Черников А. М. Дидро в Академии наук (Страница из истории Академии наук) // Вестник Академии наук СССР. 1947. № 6. С. 69.

³¹ Черников А. М. Дидро в Петербургской академии наук (Страница из истории франко-русских культурных и научных связей) // Французский ежегодник. 1961. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 481–487.

³² Proust J. Diderot, l'Académie de Pétersbourg et le projet d'une Encyclopédie russe // *Diderot studies. Vol. 12. Genève: Droz, 1969. P. 103–131.*

³³ Proust J. Diderot, l'Académie de Pétersbourg... P. 126.

³⁴ Кузьмин С. Забытая рукопись Дидро (Беседы Дидро с Екатериной II) // Литературное наследство. Т. 58. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1952. С. 927–948. Ученый нашел этот документ в Центральном государственном историческом архиве СССР. (ныне – Государственный архив Российской Федерации).

³⁵ См.: *Naigéon J.-A. Mémoires historiques et philosophiques sur la vie et les ouvrages de D. Diderot. Paris: J. L. J. Brière, 1821. P. 346.*

³⁶ Впрочем, были и еще более тенденциозные попытки представить французских просветителей невольными союзниками императрицы в деле «околпачивания» русского общества. См.: *Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1952. С. 113–118.*

лем Радищева и одним из самых почитаемых мыслителей и художников для русской революционной демократии XIX века – для Чернышевского, для Писарева», – говорилось в популярном издании³⁷.

Уточнения, сделанные С. Кузьминым, позволили Полю Верньеру подготовить более точное издание «Философских и исторических записок» под названием «Беседы с Екатериной II (1773)»³⁸. В предисловии издатель отметил, что Дидро очень хотел быть полезным русской императрице. Философ не знал России и начал изучать ее во время визита. Однако его контакты с русскими и французами в Петербурге (за исключением Нарышкина) не давали ему нужной информации. По словам Верньера, Дидро «ничем не был одурачен» («il ne dupe de rien»), он смело ставил перед императрицей острые вопросы, увлеченный опасной и увлекательной «игрой в жмурки»³⁹. Французский издатель высказал надежду, что обнаружение подлинника «Mélanges» в России повлечет за собой их научное издание на русском языке, однако этого не произошло.

Канадский литературовед Эмиль Лизе выявил еще 19 относящихся к «Mélanges» страничек, не вошедших в переплетенный для императрицы сборник⁴⁰. Эта находка позволила уточнить содержание и график бесед Дидро с Екатериной. Она дает основания утверждать, что встречи не прекратились в декабре 1773 года.

Между тем Екатерина II стала своеобразной *persona non grata* в советской историографии. Поэтому внимание исследователей переключилось на связи великого просветителя с русской культурой и ее деятелями, развивалась идея о глубоком интересе Дидро к России, ее природе и людям. Самый значительный повод для разработки этой темы дала публикация, появившаяся в 1932 году в... русском эмигрантском издании.

Вообще историки русского зарубежья, продолжавшие традиции дореволюционной историографии, внесли некоторый вклад в разработку интересующей меня темы. После опубликования во Франции полного текста замечаний Дидро на «Наказ» Екатерины (1920) вопрос о взаимоотношениях философа и императрицы затрагивал Антоний Васильевич Флоровский⁴¹. В частности, он обратил внимание на конкретный характер многих замечаний философа (осуждение Петербурга, указание на слабое развитие внешней торговли и промышленности, недостаточное состояние медицины и т. д.), что свидетельствует о знании Дидро некоторых сторон русской действительности. Исследователь екатерининского «Наказа» Флоровский, проанализировав «Замечания» («Observations») Дидро, пришел к парадоксальному выводу, что Екатерина в своей законодательной деятельности находила вдохновение в трудах французских просветителей, но при этом дух Просвещения оставался ей чужд: «здесь столкнулись, конечно, два разных мира, мир мысли свободной и свободолобивой и мир мысли, связанной традицией и вкусом к просвещенному властвованию»⁴².

В эмигрантском сборнике Общества друзей русской книги в Париже была опубликована статья библиотекаря Национальной библиотеки Жана Порше⁴³, давшая ценный материал для

³⁷ Воробьев Л. Искусство и философия в творчестве Дени Дидро // Дидро Д. Монахиня. Племянник Рамо. Жак-фаталист (Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 53). М.: Художественная литература, 1973. С. 10.

³⁸ Diderot D. Entretiens avec Catherine II (1773) // Oeuvres politiques. Textes établis avec introduction, bibliographie, notes et relevé de variantes par Paul Vernière. Paris: Garnier, 1963. P. 213–327.

³⁹ Ibid. P. 215–216.

⁴⁰ Lisé É. Mémoires inédits de Diderot a Catherine II // Dix-huitième siècle. 1978. № 10. P. 191–222. Свою находку историк сделал в Центральном государственном архиве древних актов (ныне – Российский государственный архив древних актов). Эти дополнения вошли в том политических сочинений Дидро, подготовленный Л. Версини: Diderot D. Oeuvres. T. 3. Politique / Éd. Laurent Versini. Paris: Robert Laffont, 1995.

⁴¹ См.: Флоровский А. В. Две политические доктрины («Наказ» и Дидро) // Труды IV съезда академических организаций за границей. Белград: Русский научный институт, 1929. Ч. 1. С. 113–129.

⁴² Там же. С. 129.

⁴³ Порше Ж. Русские книги Дидерота в Париже // Временник Общества друзей русской книги в Париже. Париж, 1932.

характеристики знаний Дидро о русской культуре и роли братьев Нарышкиных как информаторов философа. Примечательно, что французский библиотекарь более сдержанно, чем впоследствии советские историки, оценивал степень знакомства Дидро с русским языком и литературой. Тем не менее его окончательный вывод звучит вполне оптимистично: Дидро «не терял времени, и... при помощи своих друзей... усердно изучал Россию»⁴⁴. Материалы о русских книгах Дидро, свидетельства интереса философа к русской литературе и русскому языку заставили взяться за перо целый ряд советских авторов конца 1940-х – 1950-х годов.

Основываясь на найденной Порше в Национальной библиотеке собственноручной «Росписи русских книг», принадлежавших Дидро, Владимир Иванович Чучмарев развивал идею о глубоком интересе философа к русской культуре и русскому языку⁴⁵. Однако материал подан автором с националистическим нажимом и антизападными выпадами, что позволило американскому критику усмотреть в статье Чучмарева проявление идеологической пристрастности, характерной для периода холодной войны⁴⁶. В статьях Чучмарева присутствует ряд необоснованных положений и допущений. Например, о том, что Дидро оказался таким же последовательным русофилом, как Вольтер, что он восторженно принял вольтеровскую «Историю Российской империи», что он был поклонником трудов М. В. Ломоносова, якобы «опережавших историческую науку своего времени», и т. д.

Александр Иванович Казарин в статье 1958 года вновь писал об обольщенном Екатериной II философе, который питал необоснованные иллюзии в отношении Семирамиды Севера⁴⁷. Правда, на этот раз Казарин уже находил у Дидро основательный интерес к России и к Петербургу в частности. Автор также справедливо заметил, что Дидро не стремился расширить круг общения с русскими людьми во время пребывания в Петербурге. Как известно, у философа не появилось желания лично познакомиться с А. П. Сумароковым, Д. И. Фонвизиным, А. П. Лосенко, он нигде не упомянул о писавшем его портрет Д. Г. Левицком. В это же время другие авторы могли с легкостью утверждать вопреки фактам: «Русские ученые избрали Дидро членом Академии наук. *Живя в России, он близко сошелся с ними* (курсив мой. – С. М.). Уезжая на родину, Дидро увозил с собой веру в высокое предназначение русского народа и его науки»⁴⁸.

В 1960 году Казарин выпустил две книжки, посвященные экономическим и социально-политическим взглядам Дидро⁴⁹. В них содержатся главы о поездке философа в Петербург. Они примечательны тем, что здесь речь идет о «плане экономического и политического преобразования России», выдвинутом Дидро в беседах с Екатериной II и в сочинениях, написанных после возвращения из Петербурга. В частности, автор заметил, что Дидро допускал возможность использования Россией опыта европейских стран на пути цивилизации. Верная постановка вопроса не всегда приводила автора к обоснованным выводам из-за его стремления радикализировать, «выпрямить» взгляды Дидро, видеть в нем последовательного республиканца и врага сословного строя. Кроме того, Казарину оставались неизвестными тексты философа, написанные для «Истории обеих Индий» Рейналя.

Из всех работ указанного периода на тему «Дидро и русская культура» выделяется авторской эрудицией статья академика Михаила Павловича Алексеева (1896–1981), написанная в

Вып. 3. С. 123–138. Репринт: М.: Собрание, 2007. С. 371–386.

⁴⁴ Там же. С. 138.

⁴⁵ Чучмарев В. И. Французские энциклопедисты XVIII века об успехах развития русской культуры (По новым материалам) // Вопросы философии. 1951. № 6. С. 179–193; *Он же*. Об изучении Дени Дидро русского языка (По новым материалам) // Вопросы философии. 1953. № 4. С. 192–203.

⁴⁶ Miller A. The Annexation of a Philosophe. P. 407.

⁴⁷ Казарин А. И. Дидро и некоторые вопросы русской культуры 18 века // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 1. С. 83–102.

⁴⁸ Артамонов С. Век нынешний и век минувший // Молодая гвардия. 1958. № 10. С. 216.

⁴⁹ Казарин А. И. Экономические воззрения Дени Дидро. М.: Изд-во социально-экономической лит., 1960; *Он же*. Учение Дидро о государстве и праве. М.: Гос. изд-во юридической лит., 1960.

1948-м, но опубликованная десятью годами позже⁵⁰. В частности, лишь Алексеев осмелился дать полную ссылку на статью Ж. Порше о русских книгах, принадлежавших Дидро⁵¹. Как о реальном факте Алексеев упоминал об обеде петербургских литераторов у графа Г. Г. Орлова, на котором у Дидро состоялась беседа через переводчика с поэтом В. И. Майковым. Этот факт, опирающийся лишь на устное предание, приводил впоследствии и Б. Г. Райский.

Свои наблюдения и выводы академик Алексеев развил в статье «Дидро о русской литературе»⁵², вышедшей уже после смерти автора. Здесь он обратил внимание на широту интересов французского философа, который «не пропустил ни одного сколько-нибудь важного вопроса для лучшего уразумения общей государственной системы России и ее общественной структуры»⁵³. Особую сосредоточенность Дидро на вопросах культуры и литературы Алексеев объяснил привычным, «профессиональным», интересом, но также сделал глубокое замечание о том, что наличие в стране «поэтов, скульпторов, художников, ораторов» являлось для Дидро важнейшим показателем ее общей культуры. Таким образом, исследователь вплотную подошел к постановке вопроса о связи культуры и «цивилизации», который Дидро решал на примере России.

250-летний юбилей Дидро вызвал появление ряда научно-популярных изданий в начале 1960-х годов. В частности, вышла книга Алисы Акимовны Акимовой «Дидро» в серии «Жизнь замечательных людей». Книгу завершает глава о путешествии философа в Россию⁵⁴. Двучленная коронованная обманщица – Екатерина II и мудрый просветитель Дидро, утрачивающий свои иллюзии в отношении просвещенной монархини, – такими предстают главные герои главы в изображении автора.

Владимир Иванович Моряков, писавший о влиянии «Истории обеих Индий» Рейналя на А. Н. Радищева, лишь мимоходом сообщил о том, что в «Истории...» Дидро принадлежат 400–500 страниц, которые значительно радикализировали характер этого популярного издания. Моряков посчитал, что для его исследования факт соавторства Дидро не имеет принципиального значения⁵⁵. Такой подход затушевывал важный вопрос о влиянии россики Дидро на Радищева.

В 1980-е годы вышли работы советских историков о русских связях Дидро, написанные на высоком научном уровне. Борис Григорьевич Райский детально изучил связи Дидро с братьями Нарышкиными⁵⁶. Он не только окончательно решил вопрос, о который «спотыкались» почти все отечественные историки, начиная с В. А. Бильбасова: с кем из многочисленного семейства Нарышкиных поддерживал тесные связи французский философ и в чьем доме он провел пять месяцев в Петербурге⁵⁷, – но и привел многочисленные свидетельства того, что именно братья Нарышкины – Алексей и Семен Васильевичи – были важным источником знаний Дидро о России и ее культуре. Эти знания, по мнению Райского, позволили Дидро трезво оценить законодательство Екатерины II и ее внутреннюю политику. Поэтому императрице не удалось ввести своего собеседника в заблуждение относительно «обстоятельств» ее правле-

⁵⁰ Алексеев М. П. Д. Дидро и русские писатели его времени // XVIII век. Сб. 3. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 416–431.

⁵¹ В. И. Чучмарев ссылался на фотокопии, присланные из Национальной библиотеки Франции. А. И. Казарин же дал ссылку на статью без указания издания, в котором она находится.

⁵² Алексеев М. П. Дидро о русской литературе // Русская культура и романский мир. Л.: Наука, 1985. С. 338–370.

⁵³ Там же. С. 350.

⁵⁴ Акимова А. Дидро. М.: Молодая гвардия, 1963. С. 432–475.

⁵⁵ Моряков В. И. Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века. Рейналь и Радищев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 46–47.

⁵⁶ Райский Б. Г. Дидро и братья Нарышкины. Страницы из истории француско-русских культурных связей // Французский ежегодник. 1982. М.: Наука, 1984. С. 240–251.

⁵⁷ Е. И. Красновой позднее удалось определить местонахождение дома Нарышкиных, в котором проживал Дидро. См.: Краснова Е. И. Дидро в Петербурге. История одного поиска // История Петербурга. 2005. № 3 (25). С. 68–71.

ния. Правда, исследователь работал лишь с источниками, исходившими от самого Дидро, и не обратил внимания на сочинения А. В. Нарышкина, позволяющие задуматься об идейном влиянии Дидро на русских собеседников.

Не менее тщательно подошел к теме «Дидро и Д. А. Голицын» Геннадий Семенович Кучеренко (1932–1997)⁵⁸. Историк, прекрасно ориентировавшийся в отечественной и зарубежной литературе вопроса, проследил историю дружбы русского дипломата и французского философа, продолжавшейся более четверти века. В статье затрагивается и вопрос о влиянии Дидро на социально-политические и эстетические взгляды русского дипломата и ученого. Именно идейными расхождениями Кучеренко объяснил охлаждение отношений между своими героями: «полевение» Дидро и его разочарование в идее просвещенного монарха и «поправение» Голицына окончательно их развели. Как отмечал Кучеренко, сочинения Дидро о России – это «сгусток накопленных годами знаний о русской действительности, итог долгих раздумий о России... Эти знания черпались из книг... из рассказов посетивших Россию соотечественников и из наблюдений русской жизни во время поездки в Петербург и пятимесячного пребывания в нем»⁵⁹.

Литературовед Галина Николаевна Моисеева рассмотрела сюжет об отношениях Е. Р. Дашковой со знаменитым энциклопедистом, исходя из содержания «Записок» ученой княгини⁶⁰. Эта работа была продолжена французским историком А. Нивьером, выступившим на конференции в Санкт-Петербурге в 1993 году, посвященной 250-летию Дашковой⁶¹. Автор отмечал не только некоторые точки идейного соприкосновения искренне симпатизировавших друг другу собеседников, но и показывал значение встреч с Дидро для налаживания отношений Дашковой с Екатериной II.

Натан Яковлевич Эйдельман обращался к источниковедческим аспектам темы «Дидро и Дашкова»⁶². Он писал о происхождении и судьбе документов, проливающих свет на общение философа с русской княгиней, сравнивал их свидетельства о встречах.

С давних пор исследователи не перестают упрекать Дидро в незнании России, в умозрительности его политических построений⁶³. Известная британская исследовательница Исабель де Мадарьяга (1935–2013) пошла дальше: она оправдывает Екатерину II как практического политика в диалоге с Дидро, который не был и *не мог быть* политиком-практиком. «Многие его идеи казались привлекательными в теории, но не имели никакого отношения к реальности. Благородные, щедрые, во многом идеалистические, они представляли собой скорее образ мыслей, чем политическую программу»⁶⁴. Издатель политических сочинений Дидро Л. Версини в статье «Дидро и Россия»⁶⁵ вполне в духе Лортолари продолжает утверждать, что философ ничего не видел в России: «он не увидел ни Москвы, ни деревни, ни народа...», долгой русской зимой он не выходил из дворца Нарышкиных на Исаакиевской площади (*sic!*), кроме тех случаев, когда бывал у Екатерины II. При этом автору остается только «удивляться» ясности

⁵⁸ Кучеренко Г. С. Дени Дидро и Д. А. Голицын // Французский ежегодник. 1984. М.: Наука, 1986. С. 203–218.

⁵⁹ Там же. С. 294.

⁶⁰ См.: Моисеева Г. Н. Дени Дидро и Е. Р. Дашкова // XVIII век. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л.: Наука, 1986. С. 197–204.

⁶¹ Нивьер А. Е. Р. Дашкова и французские философы Просвещения Вольтер и Дидро // Екатерина Романовна Дашкова. Исследования и материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 41–54.

⁶² Эйдельман Н. Я. Дашкова и Дидро // Век Просвещения. Россия и Франция. Материалы научной конференции «Випперовские чтения – 1987». Вып. XX. М., 1989. С. 129–141.

⁶³ См., например: Sergio Cotta. L'illuminisme et la science politique: Montesquieu, Diderot et Catherine II // Revue internationale d'histoire politique et constitutionnelle. 1954. Oct. – Dec. P. 273–287. Proust J. Diderot et l'expérience russe // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century (далее – SVEC). Oxford: Voltaire Foundation, 1976. Vol. 154. P. 1777–1800.

⁶⁴ Мадарьяга И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 542.

⁶⁵ Versini L. Diderot et la Russie // L'influence française en Russie au XVIII-e siècle. Paris: Institut d'études Slaves, 2004. P. 223–234.

и проницательности представлений Дидро о России, продемонстрированных на страницах его «русских» сочинений.

Еще более далеким от реальной России и ее людей предстает Дидро в книге американского исследователя Ларри Вульфа⁶⁶. Он реконструирует восточноевропейские фантазии, которые, по его мнению, увлекли и Дидро. Русские «мечтания», «сны наяву» Дидро, замечает Вульф, «лишь чуть-чуть не дотягивали до мечтаний барона Мюнхгаузена». Таким образом, исследователь вновь возвращается к идее «русского миража» и в этом отношении делает шаг назад по сравнению со своей соотечественницей Кэролин Уилбергер, которая, на мой взгляд, более реалистично воспринимала проблему «Дидро и Россия»⁶⁷.

Едва ли не лучшая биография Дидро вышла из-под пера американского профессора Артура Уилсона (1902–1979). Его книга «Дидро» была опубликована в США в 1972 году, а в 1985-м появился ее французский перевод⁶⁸. «Русские» сюжеты обильно представлены во второй части книги. В главах «Дидро продает свою библиотеку», «Дидро, Фальконе и Екатерина II», «Дидро в России» обстоятельно и аргументированно изложены все перипетии отношений философа с Россией и русскими: история «неиздания» «Энциклопедии» в России, начавшаяся с предложения Екатерины II в 1762 году перенести печатание словаря в Россию и закончившаяся в 1774-м отказом издать с помощью императрицы улучшенную версию «Энциклопедии»; покупка библиотеки Дидро и назначение его библиотекарем императрицы, рекомендация Фальконе в качестве автора памятника Петру I, неудача с поездкой Мерсье де ла Ривьера в Петербург; история с «Анекдотами» Рюльера, покупка картин для Эрмитажа и др. Уилсон приходит к выводу, что поездка в Россию не доставила Дидро большой радости⁶⁹. Дидро сжег свои путевые записки о России. Биограф Дидро указывает на то, что философ представил свои тексты в три издания «Истории обеих Индий» Рейналя: небольшой – в первое, очень важный, но поспешный – во второе, очень содержательный и страстный – в третье. Правда, автор не анализирует российские сюжеты в «Истории обеих Индий», но замечает, что «пребывание в России усилило любовь Дидро к свободе и его ненависть к деспотизму», как свидетельствуют «Замечания на Наказ»⁷⁰.

Рассматривая в целом литературу о связях просветителя с Россией, нельзя не заметить, что долгое время исследователи по обе стороны железного занавеса охотно поддавались искушению представить Дидро наивным философом, заблуждавшимся в отношении России и Екатерины II, творцом политических иллюзий, не знавшим реалий России, не знакомым с русскими людьми⁷¹. Такая позиция давала возможность видеть Дидро либо жертвой политических планов Екатерины II, либо человеком, искавшим в отношениях с императрицей личной выгоды, либо беспочвенным мечтателем.

Однако пристальное и непредвзятое знакомство с многочисленными «русскими» сочинениями Дидро не позволяет согласиться с этими заключениями. Даже те исследователи, которые охотно писали об *иллюзиях* Дидро в отношении России, с недоумением останавливались

⁶⁶ См.: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 328–243.

⁶⁷ См.: Wilberger C. H. Peter the Great: An Eighteenth-Century Hero of Our Times? // SVEC. 1972. Vol. 96. P. 7–127; особ. см. с. 84–97.

⁶⁸ Wilson A. M. Diderot. New York: Oxford University Press, 1972; *Idem*. Diderot. Sa vie et son oeuvre/traduit de l'anglais par G. Chahine, A. Lorenceau, A. Villelaur. Paris: Lafont/Ramsay, 1985.

⁶⁹ *Idem*. Diderot. Sa vie et son oeuvre. P. 537.

⁷⁰ *Ibid*. P. 570.

⁷¹ Подобные оценки восходят к отзывам современников. Например, Ф. М. Гримм, посылая в 1785 году рукописи Дидро Екатерине II, озабоченный возможной реакцией императрицы на критические пассажи философа, писал: «Наделенный многими талантами и колоссальным умом, Дидро не имел никакого представления ни о людях, ни о делах, его воображение создавало фантастический мир». См.: Dulac G. L'envoi des livres et des manuscrits de Diderot en Russie: quelques documents // Dix-huitième Siècle. 1980. № 12. P. 238.

перед глубокими и прозорливыми высказываниями философа, подчас выстраивавшимися в стройную систему, и перед вновь открывающимися фактами его русских контактов.

Принципиально новая позиция была выработана в многочисленных работах французского исследователя Жоржа Дюлака, которые конкретизируют данные о личных связях Дидро с Россией, выясняют источники его знаний о далекой стране, показывают реальную степень знакомства Дидро с Россией и русскими людьми. По-новому сумел взглянуть французский историк и на взаимоотношения Дидро с Екатериной II.

В 1988 году появилась важнейшая статья Дюлака «Связи Дидро с Россией: транскрипция и идентификация личных имен»⁷². Несмотря на подзаголовок статьи, который сужает задачи исследования до, казалось бы, частного вопроса⁷³, опубликованный здесь список русских людей, известных просветителю (150 человек!), заставляет отказаться от положения об «умозрительном» подходе философа к проблемам России. Он позволяет уточнить, «каким образом Дидро приобрел достаточно глубокие знания о политике своей покровительницы, со всеми ее трудностями и неоднозначностью». Этот список включает не только русских знакомых Дидро, но и исторических деятелей, о которых он упоминал. Например, в нем присутствуют царь Алексей Михайлович и император Петр III, но почему-то отсутствуют Петр I и Екатерина II. Автор статьи указал на предварительный характер собранных им сведений. Действительно, в списке нет жены Семена Васильевича Нарышкина Марии Ивановны (урожденной Салтыковой), хотя Дидро был с ней знаком и увез в Париж ее портрет кисти Д. Г. Левицкого, который ныне хранится в Лувре⁷⁴. Отсутствует в списке и Анастасия Андреевна Бороздина, обладавшая прекрасным голосом жена генерала М. С. Бороздина, о пении которой Дидро упоминает в письме к Дашковой⁷⁵. Достоверно известно, что вместе со скульптором Ф. И. Шубиным (о нем автор упоминает) парижскому философу и покровителю русских пенсионеров были представлены выпускники Петербургской академии художеств Петр Матвеевич Гринев и Иван Алексеевич Иванов⁷⁶. В перечне приведены имена немцев, живших в Петербурге, но отсутствует, например, женевский уроженец Ф. Пикте (F. Pictet), возможно, передавший Дидро в Петербурге записку о состоянии Саратовских иностранных колоний⁷⁷. Остается пожалеть, что в этом списке нет проживавших в России французов и других иностранцев, бывших информаторами Дидро. Луи де Жокур, Фальконе и Колло, Клер и Левек, доктор Рибейру Санчес и Гримм не просто сообщали философу факты русской жизни, но были хотя бы отчасти его единомышленниками по вопросу о цивилизации России.

Дюлак уточнил роль Дидро в издании книги «Планы и уставы учреждений... для воспитания юношества» («Les Plans et les statuts...»), написанной Бецким и переведенной Н. – Г. Клером, и притом заметил, что общение с философом не оставалось бесследным для его русских собеседников, в том числе и для Екатерины II⁷⁸. Исследователь писал о непростых отношениях Дидро с петербургскими академиками⁷⁹, о серьезных связях философа с русскими людьми

⁷² Dulac G. Les relations de Diderot avec la Russie: transcription et identification des noms des personnes // *Editer Diderot // SVEC*. Vol. 254. Oxford: Voltaire Foundation, 1988. P. 317–341.

⁷³ Практической целью статьи было составление исходного списка лиц, сведения о которых нужны для подготовки критического аппарата томов полного собрания сочинений Дидро (DPV).

⁷⁴ См.: Райский Б. Г. Дидро и братья Нарышкины. Страницы из истории французско-русских культурных связей // Французский ежегодник. 1982. М., 1984. С. 248.

⁷⁵ См.: *Diderot D. Correspondance* publié par Georges Roth et Jean Varloot. Paris, 1966. Т. 13. P. 139.

⁷⁶ См.: Яковлева Н. А. Федот Иванович Шубин. 1740–1805. Л.: Художник РСФСР, 1984. С. 14.

⁷⁷ См.: *Bartlett R. P. Diderot and the Foreign Colonies of Catherine II // Cahiers du monde russe et soviétique*. 1982. Vol. 23. № 2. P. 221–227.

⁷⁸ *Dulac G. Diderot, éditeur des Plans et statuts des établissements de Catherine II // Dix-huitième siècle*. 1984. № 16. P. 323–344.

⁷⁹ *Idem. Diderot et deux academiciens de Pétersbourg // Europe*. 1984. Mai. P. 84–93; *Idem. Un nouveau La Mettrie à Pétersbourg: Diderot vu de l'Académie impériale des sciences // Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie*. 1994. Vol. 16. P. 19–43.

и европейскими знатоками России⁸⁰. Несмотря на холодный прием Дидро со стороны части петербургского общества, несмотря на подозрительное отношение к ученому со стороны многих петербургских академиков, несмотря на отсутствие у Дидро большого желания общаться с французами, проживавшими в Петербурге, знаменитый энциклопедист многое узнал и увидел в русской столице. Диалог Дидро с Екатериной II *состоялся*⁸¹. Философ сумел донести до императрицы целую программу *цивилизации России*⁸². Выработка этой программы происходила накануне визита в беседы с Д. Голицыным, Санчесом, Дашковой и др. Общение с Бецким, Клером, А. В. и С. В. Нарышкиными, Фальконе, Левеком в Петербурге могло обогатить и конкретизировать представление Дидро о политике Екатерины II, но после визита в Петербург взгляды Дидро на Россию кардинально не изменились, хотя и претерпели некоторую эволюцию. Содержание программы цивилизации России и ее связи с экономической и политической мыслью Европы уточняют работы Дж. Годжи⁸³ и Б. Биноша⁸⁴.

Очевидное значение личных связей Дидро для формирования его концепции цивилизации России побудило автора этих строк внимательнее отнестись к историографии контактов философа с Екатериной II, Д. Голицыным, Дашковой, Бецким, братьями Нарышкиными и другими, рассмотрев каждый конкретный случай⁸⁵.

В последнее десятилетие исследования россики французского философа обрели второе дыхание в связи с вошедшей в завершающую стадию подготовкой новых томов критического издания полного собрания сочинений Дидро⁸⁶ в парижском издательстве Hermann. Эта работа потребовала расширения источниковой базы, текстологических штудий и нового научного комментария. Подготовкой к печати политических сочинений Дидро, в том числе его россики, занимается международный авторский коллектив в составе Ж. Дюлака, Д. Кана, Дж. Годжи, С. Я. Карпа и др. В ходе подготовки 21-го тома были опубликованы «Политические фрагменты, выпавшие из портфеля философа»⁸⁷ – отрывки, написанные Дидро для второго издания «Истории обеих Индий» Рейналя, в том числе фрагмент XVI под названием «О Рос-

⁸⁰ *Idem*. Le discours politique de Pétersbourg // Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie. 1986. Vol. 1. P. 32–58; *Idem*, Evdokimova L. La correspondance de Dmitri A. Golitsyn (1760–1784) // Dix-huitième siècle. 1990. Vol. 22. P. 367–400; Dulac G. Ribeiro Sanches et le développement de la Russie: le travail politique d'un médecin encyclopédiste (1764–1771) // Ici et ailleurs: le dix-huitième siècle au présent. Mélanges offerts à J. Proust. Tokyo, 1996. P. 393–421; *Idem*. Science et politique: les réseaux du dr. Antonio Sanches (1699–1783) // Cahiers du Monde russe. 2002. Vol. 43. № 2–3. P. 251–273.

⁸¹ См.: Dulac G. Dans quelle mesure Catherine II a-t-elle dialogué avec Diderot? // Catherine II et l'Europe. Paris, 1997. P. 149–161.

⁸² См.: *Idem*. Diderot et la «civilisation» de la Russie // Colloque international Diderot (1713–1784). Actes réunis et préparés par Anne-Marie Chouillot. Paris: Aux amateurs des livres, 1985. P. 161–171; *Idem*. Diderot et le «mirage russe»: quelques préliminaires à l'étude de son travail politique de Pétersbourg // Le Mirage russe au XVIII siècle. Éd. S. Karp et L. Wolff. Ferney-Voltaire: Centre international d'étude du XVIII-e siècle, 2001. P. 149–192; *Idem*. Quelques exemples de transferts européens du concept de «civilization» (1765–1780) // Les equivoques de la civilization. Montpellier: ChampVallon, 2005. P. 106–135; *Idem*. La question des beaux-arts dans les relations de Diderot avec la Russie: les réflexions d'un philosophe (1765–1780) // Век Просвещения. М.: Наука, 2006. Вып. 1. С. 7–29; и др.

⁸³ См.: Goggi G. Diderot et la Russie: quelques remarques sur une page de la première édition de l'«Histoire des deux Indes» // L'Encyclopédie, Diderot, l'esthétique. Mélanges en hommage à Jacques Chouillet 1915–1990. Paris: Presses Universitaires de France («Puf»), 1991. P. 99–112; Годжи Дж. Колонизация и цивилизация: русская модель глазами Дидро // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 213–237.

⁸⁴ Binoche B. Diderot et Catherine II ou les deux histoire // Sens du devenir et pensée de l'histoire au temps des lumières / Sous la direction de B. Binoche et F. Tinland. Seyssel: Champ Vallon, 2000. P. 143–162.

⁸⁵ Мезин С. А. Русские контакты Д. Дидро: эволюция исследования проблемы // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 40–49.

⁸⁶ Речь идет о полном собрании сочинений Д. Дидро в 33 томах, начатом Г. Дикманом, Ж. Прустом и Ж. Варлоо (первый том этого издания, называемого по первым буквам фамилий его издателей DPV, вышел в 1975 году). Издание политических сочинений Дидро в 21 и 22 томах было запланировано изначально. См., например, статьи Ж. Дюлака «Пересмотреть историю „Замечаний на Наказ“ (исходя из размышлений 1775 года о физиократии)» (Studies on Voltaire and the eighteenth century, 1988, 254, p. 467–514), «Издание политических текстов Дидро» (Studi settecenteschi. 1994. Vol. 14. P. 303–327), статью Дж. Годжи «Цивилизация и ее удачные примеры: о генезисе политического фрагмента „О России“» (Ibid. P. 329–398).

⁸⁷ Diderot D. Fragments politiques échappés du portefeuille d'un philosophe / Textes établis et présentés par G. Goggi. Paris: Hermann, 2011.

сии», дающий ключ к пониманию дальнейших работ Дидро на эту тему. Публикуя «Политические фрагменты» по рукописи из фонда Вандель⁸⁸, Джанлуиджи Годжи дал их развернутый текстологический анализ. Особое внимание исследователь уделил «русскому» отрывку, указав на его разнообразные источники. Отрывок «О России» был передан Дидро Гримму, который опубликовал его в модифицированном виде в своем альманахе «Correspondance littéraire» под названием «О том, что надо начинать с начала». Восприятию этого текста Екатериной II посвящено специальное послесловие Ж. Дюлака⁸⁹.

Другие результаты текстологических исследований членов коллектива по изданию томов (21 и 22) политических сочинений Дидро составили специальный выпуск «Diderot studies», вышедший в 2013 году. Статья Дюлака «„Записки“ для Екатерины II: попытка реабилитации»⁹⁰ содержит не только историю текста и его историографию, но и важнейшие наблюдения для понимания идейного замысла этого недооцененного сочинения философа, посвященного перспективам и способам дальнейшего развития России. В статье Сергея Яковлевича Карпа «Три опросных листа Дидро о России»⁹¹ представлена история вопросов философа, касающихся различных аспектов состояния России и ее естественных богатств и адресованных Санкт-Петербургской академии наук, Екатерине II и графу Э. Миниху. Хронология составления вопросов, их источники, их восприятие современниками, сохранившиеся рукописи и издательская история – таков круг вопросов, на которые автор находит убедительные ответы. В другой статье, опубликованной в сборнике, Дюлак анализирует четыре варианта рукописи «Замечаний» Дидро на «Наказ» Екатерины II и высказывает важные наблюдения об этом «посмертном завещании» философа русской императрице. Его содержание свидетельствует об известном разочаровании Дидро в своих попытках направить Екатерину на истинный путь цивилизации. Наконец, Годжи в своей статье подводит итоги изучению сотрудничества Дидро в «Истории обеих Индий» Рейналя⁹². Речь идет о фрагментах, написанных для третьего издания «Истории», в том числе тех, где дана самая суровая оценка ложной цивилизации России, осуществленной ее правителями в XVIII веке. В своей совокупности вышеназванные статьи дают исчерпывающую на сегодняшний день источниковедческую характеристику россики Дидро, указывают на многочисленные стереотипы, ошибки и неточности, которые мешают пониманию этих важнейших политических текстов философа.

В состав редколлегии полного собрания сочинений Дидро входит Бертран Бинош, который опубликовал оригинальную работу, посвященную «философским» беседам Дидро и Ека-

⁸⁸ Фонд Вандель (Fonds Vandeul) – коллекция рукописей Дидро, хранящаяся ныне в Национальной библиотеке Франции в Париже. После смерти Дидро часть его рукописного наследия (подготовленные в последние годы жизни философа рукописные копии с его произведений) была направлена в Петербург, ибо Екатерина II купила библиотеку Дидро вместе с его рукописями. Однако большая часть рукописей, в особенности автографы Дидро, оказалась в распоряжении его дочери Анжелики де Вандель. Она собрала и многие письма философа, возвращенные его корреспондентами. Дочь и зять Дидро планировали издать сочинения энциклопедиста на основании автографов, однако эти замыслы не были реализованы. Коллекция находилась во владении семьи Вандель и их родственников баронов Ле Вавассер до конца 1940-х годов. Она была труднодоступной для исследователей и пережила несколько перемещений, грозивших рукописям порчей, утратами и даже гибелью. Стараниями известного исследователя Герберта Дикмана рукописи были классифицированы и переданы в Национальную библиотеку Франции (см.: *Dieckmann H. Inventaire du Fonds Vandeul et inédits de Diderot. Genève: Droz, 1951; Idem. L'épopée du Fonds Vandeul // Revue d'histoire littéraire de la France. 1955. № 6. P. 963–977*). 32 тома рукописных копий произведений Дидро хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Эта коллекция готовилась под руководством самого Дидро, главным образом, с помощью опытного копииста Р. Жирбала. Хотя в XIX веке доступ к коллекции был затруднен, рукописи использовались при составлении первого полного собрания сочинений Дидро, подготовленного Ж. Ассеза и М. Турне, с их учетом издается и новое полное собрание сочинений философа (DPV). См.: *Dulac G. Les manuscrits de Diderot en USSR // SVEC. 1988. Vol. 254. P. 19–50; Воронова Т. П. Рукописное наследие Дидро в ГПБ // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л.: ГПБ, 1985. С. 58–68.*

⁸⁹ *Diderot D. Fragments politiques échappés du portefeuille d'un philosophe. P. 209–219.*

⁹⁰ *Dulac G. Les «Mélanges philosophiques» pour Catherine II: un essai de réhabilitation // Diderot studies. 2013. Vol. 33. P. 23–71.*

⁹¹ *Karp S. Les trios questionnaires de Diderot sur la Russie. P. 83–106.*

⁹² *Goggi G. La collaboration de Diderot à l'Histoire des deux Indes: l'édition de ses contributions. P. 167–203.*

терины II⁹³. Сам автор следующим образом определил позицию Дидро в отношении цивилизации России. Философ не разделял мнения Руссо о том, что цивилизационный опыт Петра I потерпел фиаско, не соглашался он и с Вольтером, который полагал, что царь удачно перенес европейскую цивилизацию в Россию. Дидро высказывался с более сдержанным оптимизмом: «для него *главное еще предстояло сделать*. Он сам брался разъяснить задачу, решение которой выпало на долю Екатерины Второй. Какую именно задачу? В „Философских заметках“ («Записках» для Екатерины II. – С. М.) он говорит о необходимости *осознанно повторить* в России тот же самый процесс приобщения к цивилизации, который во Франции случился сам собой, а потому был реализован плохо. Петербургу, по его мнению, это удалось бы благодаря *рациональному подходу* к делу; в отличие от Парижа, который, развиваясь стихийно, потерпел неудачу»⁹⁴.

С. Я. Карп опубликовал целый ряд работ, посвященных контактам Дидро с Россией и русскими. Начиная с монографии «Французские просветители и Россия»⁹⁵, он вводит в научный оборот новые материалы, раскрывающие разнообразные связи философа с представителями русской интеллектуальной элиты. Так, историком были опубликованы и изучены новонайденные рукописи переписки Дидро с вице-канцлером Александром Михайловичем Голицыным, уточнена роль Д. А. Голицына в составлении первого каталога живописи Эрмитажа. Исследователь обратил внимание на любопытные дипломатические отклики на визит Дидро в Петербург и на неоднозначную фигуру врача, историка и, как выяснилось, шпиона Н. – Г. Клера, бывшего одним из петербургских собеседников просветителя. Историк обнаружил и издал полный текст вопросов Дидро Екатерине II, в два раза превышающий по объему прежде известную версию вопросов Дидро Екатерине II⁹⁶. Он же расширил представление о связях Дидро с семьей Нарышкиных и сопоставил мысли просветителя о России со взглядами А. В. Нарышкина, изложенными в его политических заявлениях и памфлетах⁹⁷.

Связи Дидро с Россией и его предложения по цивилизации России затронул Михаэль Шиппан в своей статье «Дени Дидро и Екатерина Великая. Роль наук и искусства в „цивилизации“ России»⁹⁸. Исходя из современных представлений о том, что знания просветителей о России были достаточно серьезными, а вопрос о цивилизации стоял в центре дебатов на русские темы, Марк Белисса проанализировал «русское» содержание «Энциклопедии» Дидро, составив перечень статей «Энциклопедии», в которых речь идет о России⁹⁹. Он же указал на значительную роль энциклопедических знаний в спорах вокруг России во второй половине XVIII века.

300-летний юбилей Дени Дидро, как водится, вызвал повышенный интерес к наследию просветителя, в том числе и к его русским связям. В Российской национальной библиотеке

⁹³ Binoche B. La raison sans l'Histoire. Paris: Presses universitaires de France, 2007.

⁹⁴ Бинош Б. Новая европейская триада: Рим, Париж, Петербург // Центры и периферии европейского мироустройства. М.: РОССПЭН, 2014. С. 53.

⁹⁵ Карп С. Я. Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М.: ИВИ РАН, 1998. С. 32–168.

⁹⁶ Он же. Вопросы Дидро Екатерине II о состоянии России: некоторые уточнения // Европейское Просвещение и цивилизация России. С. 178–185.

⁹⁷ Karp S. Un manuscrit de Diderot porté disparu: les «Observations sur le traité entre la Russie et le royaume de Sardaigne» // L'Édition du dernier Diderot / Textes réunis et présentés par G. Goggi et D. Kahn. Paris: Hermann, 2007. P. 51–62; Карп С. Я. Дидро, А. В. Нарышкин и цивилизация России // Vorträge des Deutschen Historischen Instituts Moskau: Vorträge zum 18. Jahrhundert Nr. 1 (2009); http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/karp_diderot; см. также расширенную версию этой статьи: Karp S. Diderot, Narychkine et la «civilization» de la Russie // Diderot Studies. 2018. Т. XXXVI (в печати).

⁹⁸ Schippan M. Denis Diderot und Katharina die Große. Die Rolle der Wissenschaften und der Künste bei der «Zivilisierung» Russlands // Der Zusammenhang der Wissenschaften und Künste. Diderot und die Aufklärung / Hrsg. von Volker Müller (Schriftenreihe der Freien Akademie. Bd. 33). Berlin, 2014. S. 91–114.

⁹⁹ Belissa M. La Russie mise en Lumière. Représentations et debates autour de la Russie dans la France du XVIII-e siècle. Paris: Éditions Kimé, 2010.

(Санкт-Петербург), Высшей школе экономики (Москва), музее «Ясная Поляна» состоялись международные конференции, посвященные этому юбилею¹⁰⁰. Среди публикаций юбилейного характера обращает на себя внимание статья Елены Евгеньевны Приказчиковой. Увлеченная идеей утопизма, автор рассуждает в духе А. Лортолари и Л. Вульфа. Она видит в Дидро мечтателя, причем корыстного и трусливого. За пять месяцев пребывания в Петербурге он якобы осмелился дать Екатерине II лишь один конкретный совет, а когда его надежда обогатиться от щедрот императрицы «разлетелась в прах», он взялся за критику «Наказа»¹⁰¹. Подобные суждения свидетельствуют об их априорности и недостаточном знакомстве с источниками.

Заметным явлением стал выход книги Сергея Викторовича Королева¹⁰², которая подвела итог многолетней работы по реконструкции книжного собрания Дидро, купленного Екатериной II и поступившего в середине XIX века в Императорскую публичную библиотеку и «растворенного» в ней.

Знакомство автора этих строк с современным состоянием проблемы произошло во время участия в международном научном проекте «Дидро. Россия и возникновение концепции цивилизации», осуществленном в 2005 году под руководством Ж. Дюлака при поддержке Дома наук о человеке (Париж). Сотрудничество с такими известными специалистами, как Ж. Дюлак, Дж. Годжи, С. Я. Карп, К. Франк, позволило приобщиться к современным задачам изучения политических сочинений Дидро, в том числе его россики, и опубликовать ряд статей. Идея Дюлака о наличии у Дидро собственной концепции цивилизации, которая определила его отношение к России, повлияла на дальнейшее осмысление текстов просветителя. Начав с популяризации идей и подходов Дюлака и общей характеристики русских связей Дидро в свете идеи цивилизации¹⁰³, я перешел к изучению истоков взглядов Дидро на Россию¹⁰⁴, к характеристике взглядов просветителя на место Петербурга и Москвы в жизни России¹⁰⁵, а также его оценок Петра I¹⁰⁶. Ряд статей раскрывает влияние концепции Дидро на его современников и мыслителей более позднего времени: Левека и Клера, Дашкову, Радищева, Н. М. Карамзина, М. М. Сперанского¹⁰⁷.

¹⁰⁰ Вольтеровские чтения. Вып. 3. СПб.: Российская национальная библиотека, 2015; Дени Дидро. Энциклопедия. Просвещение. Материалы международной научной конференции к 300-летию со дня рождения Дени Дидро (Москва, 5–6 декабря 2013 г.) / Под общей ред. А. В. Ястребцевой. СПб.: Алетейя, 2014; Яснополянский сборник: 2014: Статьи, материалы, публикации. Ч. 2. Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2014.

¹⁰¹ Приказчикова Е. Е. Дидро и искушение русского просвещения // Известия Уральского федерального университета (УрФУ). Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. № 2 (114). С. 189–200.

¹⁰² Изд. на фр. яз: *Korolev S. V. La Bibliothèque de Diderot. Vers une reconstitution.* Ferney-Voltaire: Centre international d'étude du XVIII-e siècle, 2014; см. рец. Г. А. Космолинской: *Век Просвещения.* Вып. 5: География эпохи Просвещения: между воображением и реальностью. М.: Наука, 2015. С. 395–402; на рус. яз.: *Королев С. В.* Библиотека Дидро: опыт реконструкции. СПб.: Российская национальная библиотека, 2016.

¹⁰³ Мезин С. А. Дени Дидро и возникновение концепции «цивилизации» России // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия. Тезисы докладов всероссийской научной конференции. Москва, 25–26 ноября 2008. М., 2008. С. 48–52; *Он же.* Дидро и Россия // Историческое прошлое и образ истории. Материалы международной научной конференции в честь 95-летия гуманитарного образования в Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, 20–21 сентября 2012 года. Саратов, 2013. С. 137–147.

¹⁰⁴ *Он же.* Петр I и Россия в энциклопедии Д. Дидро // *Историографический сборник.* Саратов, 2007. Вып. 22. С. 28–39.

¹⁰⁵ *Он же.* Дени Дидро о Петербурге и Москве // Столицы и провинция. Материалы IV Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург 8–9 июня 2012 года. СПб., 2013. С. 70–78.

¹⁰⁶ *Он же.* Дидро о Петре I // Вольтеровские чтения: Сб. науч. тр. Вып. 3. СПб.: Российская национальная библиотека, 2015. С. 192–213.

¹⁰⁷ *Он же.* П.-Ш. Левек, Н.-Г. Леклерк, Д. Дидро и «цивилизация» России // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVII: Первый кадетский корпус во дворце Меншикова: К 275-летию основания: Материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 106–113; *Он же.* Петр I, Лейбниц и Сперанский // *Российская история.* 2011. № 1. С. 115–120; *Он же.* Д. Дидро и Е. Р. Дашкова о «цивилизации» России // Из истории русской общественной мысли XVIII–XX веков: Сборник научных статей. К 70-летию профессора В. А. Китаева. Нижний Новгород, 2012. С. 65–72; *Он же.* Дидро, Рейналь и Радищев: Из истории филиации идей // XVIII век. Сборник 27: Пути развития русской литературы XVIII века. СПб.: Наука, 2013. С. 326–342; *Он же.* Дидро, Радищев и Карамзин // «История в нас, мы в истории». Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Пугачевские чтения», посвященной 90-летию В. В. Пугачева. Саратов, 23–24 октября 2013 года. Саратов: Саратов-

Автор настоящей работы далек от мысли поставить точки над *i* в большой теме «Дидро и Россия». Однако я надеюсь, что рассмотрение мысли Дидро через призму его концепции цивилизации и с учетом обширной историографии вопроса позволит открыть для отечественных читателей новые грани этой необъятной темы. Этому должны способствовать использование и перевод источников, ряд из которых до сих пор практически не рассматривались российскими исследователями.

Источники

Россика Дени Дидро – это сложный комплекс политических, философских и публицистических сочинений. Обращение к ним ставит перед исследователем множество проблем. Наличие многочисленных изданий сочинений «русского периода» отнюдь не исключает их неполноту, искажения текста, их ошибочное комментирование и датировку. Дополнительные сложности возникают при интерпретации текстов, в которых Дидро выступал в качестве редактора или соавтора. Проблемы перевода также встают перед отечественным историком.

Интерес к России возник у Дидро в зрелом возрасте, когда за его плечами уже была огромная работа над «Энциклопедией». «Русские» статьи «Энциклопедии» Дидро, как известно, были написаны де Жокуром, однако без их учета невозможно установить круг исходных знаний философа о России. Собственно «русский период» в творчестве Дидро начался с конца 1760-х годов. В скрытой, анонимной форме размышления философа о России были выражены в отрывках, написанных для «Истории обеих Индий» Рейналя. Лишь косвенные данные свидетельствуют о том, что уже в первом ее издании (1770) небольшой отрывок о России принадлежит перу Дидро. Бесспорная принадлежность ему принципиально важного отрывка из второго издания (1774) подтверждается документами из фонда Вандель в Национальной библиотеке Франции. Именно этот фрагмент «О России» и его вариант «О том, что надо начинать с начала», помещенный в *Correspondance littéraire* Гримма (15 ноября 1772 года), представлены сегодня в образцовом научном издании, осуществленном Дж. Годжи¹⁰⁸

¹⁰⁸ *Diderot D. Fragments politiques échappés du portefeuille d'un philosophe / Textes établis et présentés par G. Goggi. Paris: Hermann, 2011. P. 164–175.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.